

КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Гапоненко Лидия Борисовна,

ФГБОУ ВО Уральский институт ГПС МЧС России,
старший научный сотрудник,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-3841-8061,
E-mail: lidagaponenko@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.05.2020, принята к публикации 11.08.2020

Для цитирования: Гапоненко Л.Б. Конструирование национальной идентичности в контексте политики памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3 (40). С. 40–53. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10303

Аннотация

Целью статьи является исследование феномена национальной идентичности и факторов, влияющих на конструирование национальной идентичности. Данная проблематика при наличии кризисных явлений в обществе, таких как социальное расслоение, правовой нигилизм, отчуждение власти от общества, утрата ценности духовно-нравственной культуры, проявление этнического сепаратизма, обретает все большую актуальность.

В решении проблем консолидации общества важным фактором является конструкт национальной идентичности. Формирование национально-культурной идентичности становится приоритетным направлением деятельности современного государства и гражданского общества. Процесс этот должен носить системный и научно-обоснованный характер, что актуализирует обращение к теоретическим наработкам научного познания по проблемам идентичности. Исследование конструкта национальной идентичности как механизма развития современного общества предпринято на основе изучения таких компонентов, как национальное самосознание, национальный характер и менталитет, историческая память, представлений

© Гапоненко Л.Б., 2020

о культурно-цивилизационной принадлежности в зарубежной и отечественной литературе. Историческое прошлое во многом определяет миссию и стремления народа. Осознание национальной, культурной, гражданской идентичности достигается только через проникновение в историческое прошлое и является важным фактором консолидации общества. Исторические нарративы национального единства призваны выполнять интегративную функцию, позволяя членам нации отождествлять себя как часть коллектива и нивелировать существующие различия. Политическое использование прошлого характерно при конструировании всех типов коллективной идентичности. При этом особая роль в формировании гражданской национальной идентичности принадлежит политическим элитам как обладающим всеми рычагами воздействия на экономику, политику, науку, образование, госаппарат и средства массовой информации. Предлагается идея взаимообогащения достижений культуры западных обществ культурно-историческими ценностями «незападных» социумов для дальнейшей интеграции мирового сообщества. Цивилизационный принцип определения идентичности дополняется идеей национально-гражданской идентичности.

Ключевые слова:

национальная идентичность, гражданская нация, культурно-историческая идентификация, конструирование национальной идентичности, коллективная память, историческая память, политика памяти.

UDC 323.2

DOI 10.24411/1817-9568-2020-10303

THE CONSTRUCTION OF NATIONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF THE POLITICS OF MEMORY

Gaponenko Lidiya Borisovna,

UISFS of EMERCOM of Russia,
Senior Researcher,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-3841-8061,
E-mail: lidagaponenko@mail.ru

Article received on May 11, 2020, accepted on August 11, 2020

To cite this article: Gaponenko, L. B. (2020). Konstruirovaniye nacional'noj identichnosti v kontekste politiki pamyati [The construction of national identity in the context of the politics of memory]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(40), 40-53. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10303

Abstract

The purpose of the article is to study the phenomenon of national identity and factors influencing the construction of national identity. This problem in the presence of crisis phenomena in society, such as social stratification, legal nihilism, the alienation of power from society, the loss of the value of spiritual and moral culture, the manifestation of ethnic separatism, is becoming increasingly relevant.

An important factor in solving the problems of society consolidation is the construct of national identity. The formation of national-cultural identity is becoming a priority for the modern state and civil society. This process should be systemic and scientifically based in nature, which actualizes the appeal to the theoretical developments of scientific knowledge on problems of identity. The study of the construct of national identity as a mechanism for the development of modern society has been undertaken on the basis of the study of such components as national identity, national character and mentality, historical memory, and ideas about cultural and civilizational affiliation in foreign and domestic literature. The historical past largely determines the mission and aspirations of the people. Awareness of national, cultural, civic identity is achieved only through penetration into the historical past and is an important factor in the consolidation of society. The historical narratives of national unity are called upon to fulfill an integrative function, allowing members of the nation to identify themselves as part of a collective and level existing differences. The political use of the past is characteristic in the construction of all types of collective identity. At the same time, a special role in the formation of a civic national identity belongs to political elites, as having all levers of influence on the economy, politics, science, education, the state apparatus and the media. The idea of mutual enrichment of cultural achievements of Western societies with the cultural and historical values of "non-Western" societies for further integration of the world community is proposed. The civilization principle of determining identity is complemented by the idea of national civic identity.

Keywords:

national identity, civic nation, cultural and historical identification, construction of national identity, collective memory, historical memory, politics of memory.

Социокультурные изменения в современном мире характеризуются кризисом социокультурных моделей периода неоглобализма, отказом от мультикультурализма, возвратом интереса к национальным культурам, выражающимся зачастую в стремлении к локальному обществу, организованному на национально-этнической или религиозно-фундаменталистской идеологии. Человек в условиях глобального оцифрованного общества ищет опору в обыденности, реальности, исторических традициях. Принцип реальности становится доминирующим в формировании ценностей, целей и норм, которыми живут общества. Специфика становления социальной идентичности заключается в двухуровневом ее характере. Ю. Хабермас (1995, с. 7) отмечает два взаимосвязанных аспекта идентичности: личностный, обеспечивающий индивидуальную линию жизни человека, и социальный, формирующий ролевые установки, в которых существует человек. Таким образом, неустойчивость или слом социальной идентичности неизбежно

влечет за собой кризис личностный. В процессе формирования социальной идентичности у индивида вырабатывается система целей, идеалов, норм, образцов, принятых в группе, с которой он себя отождествляет. Усвоенные таким образом ценности призваны встроить человека в общественную сущность, укоренить в социальном бытии. Но в ситуации социальной неопределенности формируется идентичность, не обеспечивающая чувство причастности к общему культурно-историческому процессу. Формируется общество, состоящее из асоциальных индивидов, не имеющих актуального опыта социальной деятельности.

Искусственное конструирование искаженных социальных идентичностей, неспособных интегрировать субъекта в реальную систему общественных взаимоотношений, дестабилизирует общество. Реакцией человека становится поиск надежных точек опоры, в частности, возникновение разного рода низовых, местных объединений, локальных сообществ.

Наиболее опасная ситуация возникает, когда индивид утрачивает свою микроидентичность, но не принимает гражданскую идентичность, разделяемую титульной нацией. Именно так происходит со многими представителями арабского и афро-азиатского населения во Франции, с курдами в Турции, с иммигрантами из Средней Азии в России. Африканцы, приезжающие из мусульманских стран или регионов, везут с собой и исламские традиции. Например, нигерийцы-мусульмане, не теряющие связь с исторической родиной, и в Великобритании влияют на расширение практики шариатского права (Карпов, 2018, с. 11). Количество шариатских судов в Великобритании постоянно увеличивается в течение уже многих лет (The Nigerian Muslim Community in England ..., p. 34). Эмигранты образуют замкнутые этнические сообщества внутри мультикультурного и поликонфессионального государства, что отрицательно сказывается на процессе включения их в общую гражданскую культуру и негативно – на самоидентификации населения всей страны. Кризис идентичностей принимает форму «конфликта цивилизаций», по мнению А. Турена, становится «разрывом, который образуется в итоге распада жизненного опыта, институционального порядка и самого мира» (Турен, 1997, с. 416). Национальные меньшинства, которые во многих странах начинают превалировать над коренным населением, не стремятся ассимилироваться, овладеть культурой принимающей нации, а требуют признания гражданских прав и предоставления социальных гарантий как полноправным гражданам. Если этого не происходит, то именно тогда «национальные меньшинства» начинают активные действия, приводящие к столкновениям с представителями правопорядка и другими сообществами.

В общественно-политической литературе существуют различные подходы в определении идентичности, которые отличаются в психологической, социологической и в других социально-гуманитарных науках. Идентичность рассматривается как устойчивое самосознание, в основе которого заложено чувство принадлежности людей к «своей» общности, понимание интересов данной общности. В политологии под «идентичностью» понимаются специфические, культурные, лингвистические и прочие особенности, которые характерны для различных общностей, отличают их от других групп и связывают между собой в такой мере, чтобы обеспечить солидарность. Как наиболее важные отмечают: гражданская, национальная, государственная, культурная, религиозная,

коллективная, цивилизационная и др. разновидности идентичности (Борбодоев, 2016, с. 22).

С нашей точки зрения, национальная идентичность – это осознанная принадлежность к определенному сообществу, некое качество, в результате становления которого происходит отождествление человеком себя с определенным языком, религией, традициями, историей, культурными особенностями.

Рассматривая специфику и особенности национальной идентичности, необходимо обратиться к набору функций, которые она выполняет. В качестве основной функции для нашего исследования выступает свойство национальной идентичности обеспечить социальное согласие, достичь однородности в многонациональной стране, единства государства и народа, сформировать единство интересов, целей и задач.

Особое значение для понимания национальной идентичности имеют традиционные культурные ценности, которые столетиями составляли духовную, нравственную, мировоззренческую основу существования общности. Патрик Д. Бьюкенен в работе «Смерть Запада» пишет: «Уничтожьте записи о прошлом народа, оставьте его жить в невежестве относительно деяний предков – и опустевшие сосуды душ легко будет заполнить новой историей, как это описано в «1984». Развенчайте народных героев – и вы деморализуете целый народ» (Бьюкенен, 2003, с. 237).

В современном обществе идентичность сообществ может пониматься как культурная или социокультурная идентичность, формирующаяся под влиянием социализации, образования, аккультурации. У П.И. Смирнова (2016) находим структуру национальной идентичности, которая складывается из двух компонентов:

- объективной, которая состоит из групповых норм, возникающих на основе общественных потребностей и ценностей (национальный характер);
- субъективной, в которой суммируется субъективное понимание членом общества ее интересов, задач и функций (национальный менталитет) (с. 278).

Для изучения проблемы идентичности необходимо также обратиться к ряду исследований, вызвавших серьезные дискуссии. Это труды американского футуролога Фрэнсиса Фукуямы (2017) и британского социолога ганского происхождения Кваме Энтони Аппиа (2018). Анализируя проявления кризиса идентичности в современном мире, ученые обращаются к теме «западной цивилизации», предлагая отказаться от данного термина. По мнению К. Аппиа, делая акцент на таких сущностных характеристиках западной цивилизации, как индивидуализм, демократия, свобода, толерантность, нивелируются другие цивилизационные достижения, национальное государство утрачивает возможность осуществлять свои функции в условиях глобализации. В отличие от Аппиа Ф. Фукуяма не призывает преодолевать разделяющие нас идентичности, а рассматривает идентификационные отличия как механизм адаптации человека к современному миру. Отмечая рост недовольства граждан своим гражданским, социально-экономическим положением, Фукуяма акцентирует внимание на проблемах, которые уже пережило человечество: глобализацию, цифровизацию, технологические и промышленные революции, массовую миграцию, рост числа беженцев, выход на лидирующие позиции Индии и Китая, финансовые кризисы, гендерные проблемы, борьба за гражданские права и освобождение других

групп, потеря статуса белой нации, кризис основных идеологий современности и политических партий и многие другие. На фоне таких трансформаций политика идентичности, проводимая государством, становится первостепенной. Ориентиры, которые служили точками опоры для простых людей, больше не работают. Главный тезис концепции Ф. Фукуямы состоит в том, что чувство обиды и уязвления собственного достоинства человека, а не материальный интерес является источником развития общества. Задача национального государства (демократического или авторитарного) обеспечивать стабильное развитие общества при проведении понятной и открытой политики идентичности. Наш нынешний мир, отмечает Фукуяма, одновременно движется к взаимоисключающим трендам гиперцентрализации и бесконечной фрагментации. Так, для Китая характерно создание гигантской диктатуры, в которой ежедневно накапливаются данные на каждого гражданина, используются технологии больших данных и система социального кредитования для контроля над своим населением. Одновременно в других частях мира наблюдается распад централизованных институтов, государств, поляризация и нарастающие противоречия и отсутствие консенсуса по решению глобальных проблем современности. Социальные сети и средства массовой информации способствуют возникновению автономных сообществ, акцентированию региональных интересов.

Принимая во внимание все аргументы Ф. Фукуямы, мы считаем нужным согласиться с позицией К. Аппиа о том, что ценности индивидуализма и частной собственности утрачивают в последнее время свое значение, на первый план выходят базовые евразийские общецультурные ценности: приоритет духовного над материальным, соборность, гуманизм, коллективизм, патриотизм, братство народов. Надо осознать, что Запад и Восток не есть полярные, замкнутые цивилизации, а ветви одной общечеловеческой цивилизации, единство противоположностей которых делает возможным диалектическое поступательное универсальное развитие человечества. В то же время считаем обоснованным мнение Ф. Фукуямы, что феномен государства еще не утратил своей функциональности, поскольку именно институт государства является гарантом целостности нации в геополитических и территориальных границах и действиях.

Как противодействие кризису социальной идентичности, приводящему к кризису личностного развития и межличностных взаимоотношений, в результате деятельности институтов гражданского общества формируется новая социальная идентичность – гражданская нация. Нация как идея призвана сплотить граждан многонационального государства в единую общность и предотвращать возникающие сепаратистские настроения и движения, возникающие в отдельных регионах.

В настоящее время более приемлемо рассматривать нацию как живой, развивающийся организм с присущим ему глубоким духовным миром и уникальным историческим своеобразием, не исключаяющим изменчивости и трансформации под влиянием внутренних и внешних факторов.

Первым российским ученым, разработавшим теорию гражданской нации, был В. Тишков (2013), который описывал ее так: «Солидарность и повседневная лояльность, то есть чувство принадлежности к одному народу и признание государства своим составляют основу так называемой национальной идентичности. Без этой формы идентичности, основополагающей для современного

человека, национальные конституции, армии и охраняемые границы мало что значат» (с. 22).

При исследовании проблем национальной идентичности закономерно возникает вопрос о том, что понятие *нации* было скомпрометировано в XX веке использованием в идеологии и практике национал-социализма. Так, Ж. Маритен (2000) отмечает, что пробуждение национального самосознания в современной истории само по себе положительное, «в конце концов гипертрофировалось и вызвало к жизни чуму национализма, поскольку понятия нации и государства были перепутаны и смешаны самым неудачным и взрывоопасным образом» (с. 15). При строительстве нации важно предотвращать возникновение крайностей национализма, а это напрямую зависит от уровня развития гражданской и политической жизни. Вопрос об уточнении и различении понятий *нации* и *политического общества*, о значимости и первичном характере политического общества по отношению к нации является темой для дальнейшего исследования.

На данный момент следует остановиться на том, что понятие *нация* остается главным термином в политологических исследованиях проблем государственного строительства, идентичности, менталитета. По мнению Т. Адорно (2005), «традиционная и психологически значимая идея нации... обладает достаточной силой для того, чтобы мобилизовать сотни миллионов людей на осуществление целей, которые они не могут непосредственно рассматривать как свои собственные».

Представляется, что оформление концепта национальной идеи – содержание сложной и исторически длительный процесс, в ходе которого происходит отбор, переработка, осмысление и восприятие идей, взглядов, обычаев и традиций, стимулирующих активную деятельность больших социальных групп (или всего общества) на основе преемственности поколений. Национальная идея не может быть механистически привнесена в общество средствами идеологического воздействия. Как утверждает Э. Ренан (1902), нация основывается на духовном принципе, который состоит из двух частей – «одна в прошлом, другая – в будущем». По этой причине истоки зарождения национальной идеи приходится искать в историческом прошлом, искать то, что может объединять их в одну общность, чтобы показать будущим поколениям преемственность обычаев и традиций.

Национальная идентичность динамична, можно зафиксировать различные этапы исторического бытия нации. Оценивая результаты того или иного исторического этапа, возможно выстроить вектор развития нации. Память о прошлом присутствует в структуре коллективного сознания социальных, в том числе национальных общностей. Одним из факторов конструирования национальной идентичности выступает социальная память. Национальная идентичность выстраивается в процессе осмысления нацией своей истории, своего нынешнего положения, а также возможных перспектив. Исторический процесс формализуется, идеализируется, очищается от налета повседневности, бытийности, предстает в виде конструкции, программы, развитие которой можно моделировать, программировать. Избегая излишней упрощенности и схематичности, можно выделить следующие уровни национальной идентичности:

- национально-исторический, включающий осознание единства нации, представление об истории, преемственности;
- формально-практический, включающий результат практического претворения национальных идей, отношение с другими субъектами деятельности (Бадмаев, Хутыз, 2009).

Установлено, что термин «память» начал активно использоваться конце двадцатого века для обозначения массовых или групповых представлений о прошлом (историческое сознание) в различных контекстах – коллективная память, социальная память, политическая память, культурная память, историческая память. В кризисные периоды усиливается потребность человека в опоре на события прошлого, найти аналогичные события в истории, прошлое таким образом становится ближе, а настоящее становится понятнее и определеннее. Рост интереса к феномену памяти обусловлен постоянной необходимостью диагностировать состояние национальной идентичности в обществе. По мнению К.С. Гаджиева, историческое прошлое народа во многом определяет то, к чему стремится и чего добивается тот или иной народ, как он определяет и оценивает свое место и миссию в мире. Через свою историю народ обретает специфический портрет, неповторимый образ, и, соответственно, понимание идентичности достигается только через проникновение в историческое прошлое (Гаджиев, 2013, с. 16).

Следует выделить некую систему основных понятий, в которых фиксируются процессы хранения, переработки и трансляции информации о прошлом, а также – способы воспроизводства духовной и материальной культуры общества. Структурными компонентами данной системы являются такие понятия, как: коллективная память, социальная память, историческая память, память человечества, национальная память, глобальная память информационного общества.

Суть понятия «коллективная память» раскрыта в работах М. Хальбвакса (2007), согласно которому данное понятие указывает на социальную обусловленность памяти, а также на идею идентификационной конкретности памяти индивида. Понятия «социальная память» и «индивидуальная память» получили своё развитие в трудах Я.К. Ребане. По Ребане (1982), понятие индивидуальной памяти близко по значению к памяти социальной, но ориентировано на структурный аспект механизма социального наследия (с. 46). Он определяет социальную память как «своеобразное хранилище результатов практической и познавательной деятельности, выступающих в информационном отношении базисом формирования сознания каждого человека, а также базисом функционирования и развития индивидуального и общественного познания» (Ребане, 1982, с. 46). Данные понятия получили дальнейшее развитие в трудах российских ученых – В.А. Колеватова (1984), А.И. Макарова (2009), Д.А. Аникина и В.Б. Устьянцева (2011).

Включение историков в обсуждение проблемы исторической памяти и политики памяти в современном обществе существенно меняет представление о функциях истории. Если с XIX века история в основном обеспечивала социально-групповую идентификацию – национальную, партийную и т. п., то в XX–XXI вв. функция идентификации стала реализовываться ещё и на уров-

не формирования массовых представлений о прошлом (Савельева, Полетаев, 2006, с. 410).

Зачастую современные массовые представления об исторических событиях являются не «естественной памятью нации», передаваемой из поколения в поколение, а результатом профессиональной деятельности ученых, преподавателей, политиков. «То, что мы называем памятью сегодня, это уже не память, а история» (Нора, 1999, с. 28). Неслучайным является и выбор исторических событий, фактов, которые вовлекаются в активное поле дискурса научной и политической общественности или выводятся за рамки обсуждения. Сколь бы это обидно ни прозвучало для обывателя, но, к сожалению, «общее прошлое» невозможно без специфических усилий по его конструированию» (Малахов, 2001, с. 127).

Один и тот же исторический феномен может получать, как в разные периоды исторического развития общества, так и в синхронном измерении актуального настоящего, диаметрально противоположные оценки, что обусловлено сменой значимости и смысла данного феномена в коллективной памяти социума. Поэтому целью исследования коллективной исторической памяти сегодня становятся ее разнообразные конфигурации, производящие различные способы видения прошлого и конкурирующие формы символической «борьбы памяти» в разделенных социальных полях (Завершинский, 2015, с. 16).

Идеологический характер понятия «историческая память», по мнению И.В. Савельевой и А.В. Полетаева, подтверждается его неразрывной связью с понятием «политика памяти», поскольку речь идет либо об изучении способов идеологизации прошлого, либо о самом процессе идеологизации знания о прошлом (Савельева, Полетаев, 2006). Г.А. Бордюгов по этому поводу справедливо замечает: «Однако историческая наука не может развиваться без автономии от политики и идеологии, от осознания прошлого как живого процесса, поскольку каждое поколение пишет свою историю». Во все времена политические элиты были заинтересованы в создании идеологически ангажированного образа прошлого путем секуляризации фактов о личностях, событиях или их героизации, то есть политических мифов (Бордюгов, 2011, с. 7).

Современная политика памяти представляет собой единство стратегических целей и коммеморативных практик, выражающих идеологические потребности государственной власти в конструировании значимых для её легитимации образов и способов интерпретации прошлого. В целом, можно согласиться с О.Ф. Русаковой и Е.Д. Кочневой (2015), которые определяют «политику памяти» как «всю сферу публичных государственных стратегий в отношении способов запечатления прошлого в массовом сознании, совокупность различных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти» (с. 18).

Историческая память, взятая в контексте политики памяти, становится, по мнению общественников, функцией власти, постулирующей рамки, в которые нужно разместить исторические феномены. Это в корне меняет предметную область научных исследований социальных дисциплин (переключение с идеологически насыщенных текстов на пропагандистские образы и символы, с политической истории на культурную политику). И.М. Савельева и А.В. Полетаев подчеркивают, что политика памяти, прежде всего, связана с государственным

влиянием на облик исторического знания и сознания по следующим направлениям:

- прямое государственное вмешательство в содержание исторического знания (официальной историографии);
- формирование государственной политики памяти в системе школьного образования под прямым контролем первых лиц государства содержания учебников истории;
- общая культурная политика государства – охрана художественных ценностей, поддержка определённых направлений в искусстве, установка памятников и мемориальных досок и т. д. проводится целенаправленно под контролем государства;
- политика забвения, направленная на сознательное уничтожение памятников, религиозных реликвий, книг и т. п. (Савельева, Полетаев, 2006, с. 413–417).

Использование исторических событий прошлого в политическом дискурсе властных элит применяется для решения конкретных актуальных задач, но оно всегда призвано решать проблему легитимации проводимого руководством политического курса. «Легитимность и сплоченность современного государства, – отмечает К. Калхун, – отчасти зависела от его способности притязать на сильную национальную историю. Это подталкивало к пересмотру прошлого и новым действиям, на исполнение давнишних обещаний» (Калхун, 2006, с. 234).

Дж. Д'Амато (2013) заостряет внимание на том, что процессы глобализации, медиатизации политики и информатизации общества изменяют форму трансляции и способы воспроизводства политики памяти как во всём мировом сообществе, так и на уровне отдельных стран. В рамках национальных государств вектор от политики памяти мирового сообщества смещается в сторону национальной или государственной политики памяти. Данный тип памяти конструируется на основе истории и символического прошлого отдельного государства. Кроме того, наличие целостной национальной политики памяти – важное условие успешного позиционирования страны в мировой политике, сохранения исторических ценностей и смыслов, консолидации общества (Грибовод, Ковба, Моисеенко, 2018, с. 126).

Решающая роль в конструировании политики памяти, вплетенной в ткань национальной идентичности, принадлежит политическим элитам. Элиты играют особую роль в осуществлении политики памяти, потому что имеют рычаги влияния на самые масштабные сферы публичного дискурса, в частности, на каналы массмедиа, политики, науки, образования и государственной бюрократии. Политический текст, транслируемый представителями интеллектуальной и политической элиты через средства массовой информации, воспроизводит нормы и идентичности высшей политической элиты общества, задает и переоценивает границы между внутренним и внешним миром, «соратниками» или «врагами». От позиции политических элит, как правило, зависит статус и оценка, которую получит конкретное событие той или иной национальной (этнической) истории.

Обобщение логических звеньев нашего исследования и сопоставление его результатов с трудами ведущих ученых в области проблематики национальной идентичности и политики памяти позволяет сделать вывод о том, что историческая память часто выступает элементом конструкта, национальным кодом,

обеспечивающим функцию гражданской национальной идентичности. Она способна обеспечивать сохранение преемственности поколений, решение задач общенациональной интеграции. Наличие глубоко продуманной национальной политики памяти – обязательное условие прочной идеологической консолидации общества и достойного позиционирования страны в мировой политике.

Список литературы

1. Адорно, Т. (2005). Что значит «проработка прошлого». *Неприкосновенный запас*, 2–3(40–41). Взято 6 мая 2020, с <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html>
2. Аникин, Д. А., Устьянцев, В. Б. (2011). Социальная память в обществе риска: опыт философской концептуализации. *Философия и общество*, 4, 58–69.
3. Бадмаев, В. Н., Хутыз, З. А. (2009). Историческая память и конструирование национальной идентичности. *Новые технологии*, 2, 75–79.
4. Борбодоев, Ж. М. (2016). Идентичность: разновидности ее проявления. *Вопросы политологии*, 3(23), 20–28.
5. Бордюгов, Г. А. (2011). «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI.
6. Бьюкенен, Дж. (2003). Смерть Запада. *Сочинения*. М.: Таурус Альфа.
7. Гаджиев, К. С. (2013). *Сравнительный анализ национальной идентичности США и России*. М.: Логос.
8. Грибовод, Е. Г., Ковба, Д. М., Моисеенко, Я. Ю. (2018). Национальная политика памяти в современной России: основные тенденции и инструменты. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(31), 123–132.
9. Д’Амато, Дж. (2013). *Развод по-советски: из сверхдержавы на задворки глобализации* (Пер. с итал. Л. Е. Сабуровой). Москва: Российский гос. гуманитарный ун-т.
10. Завершинский, К. Ф. (2015). Политический миф в структуре современной символической политики. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*, 2, 16–51.
11. Калхун, К. *Национализм* (2006). М.: Изд. дом «Территория будущего».
12. Карпов, Г. А. (2018). Идентичность мигрантов как фактор национальной безопасности (на примере африканцев Великобритании). *Вопросы безопасности*, 5, 1–24. doi: 10.25136/2409-7543.2018.5.27452
13. Колеватов, В. А. (1984). *Социальная память и познание*. М.: Мысль.
14. Макаров, А. И. (2009). *Феномен индивидуальной памяти (образы – концепты – рефлексия)*. Волгоград: Изд-во Волгоградский гос. ун-т.
15. Малахов, В. (2001). *Символическое производство этничности и конфликт*. Язык и этнический конфликт. М.: Гендальф.
16. Маритен, Ж. (2000). *Человек и государство* (Пер. с англ. Т. Лифинцевой). М.: Идея-Пресс, Дом Интеллектуальной книги.
17. Нора, П. (1999). Между памятью и историей. *Франция – память*. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета.
18. Ребане, Я. К. (1982). Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации сознания. *Вопросы философии*, 8, 46–65.

19. Ренан, Э. (1902). Что такое нация? *Собрание сочинений: в 12-ти т.* (Т. 6, с. 87–101) (пер. с французского под редакцией В.Н. Михайловского). Киев.
20. Русакова, О.Ф., Кочнева, Е.Д. (2017). Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти. *Научный журнал «Дискурс-Ли»*, 3–4(28–29), 17–30.
21. Савельева, И.М., Полетаев, А.В. (2006). Знание о прошлом: теория и история. Т. 2: *Образы прошлого*. СПб. Наука.
22. Смирнов, П. И. (2015). Национальный интерес как фактор сохранения (формирования) национальной идентичности в периоды преобразований. *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Том 208. Социология культуры: опыт и новые парадигмы. Часть 2. Раздел VIII. Политическая и правовая культура* (с. 277–288). СПб.: Изд. Санкт-Петербургского государственного института культуры.
23. Тишков, В.А. (2013). *Российский народ: история и смысл национального самосознания*. М.: Наука.
24. Турен, А. (1997). Способны ли мы жить вместе? Равные и различные. *Новая постиндустриальная волна на Западе*. М.: Наука.
25. Фукуяма, Ф. (2017). *Угасание государственного порядка*. М.: АСТ.
26. Хальбвакс, М. (2007). *Социальные рамки памяти* (пер. с фр. и вступ. ст. Сергей Н. Зенкин). М.: Новое изд-во.
27. Kwame, A. (2018). *The Lies that Bind. Rethinking Identity: Creed, Country, Color, Class, Culture*. Profile Books.
28. The Nigerian Muslim Community in England. Understanding Muslim Ethnic Communities (2009). *Change Institute, Communities and Local Government* (pp. 8–12). London.

References

1. Adorno, T. (2005). Chto znachit “prorabotka proshlogo” [What does «study of the past» mean]. *Neprikosnovenny zapas*, 2–3(40–41). Retrieved May 6, 2020, from <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html>
2. Anikin, D. A., & Ust’yantsev, V. B. (2011). Sotsial’naya pamyat’ v obshchestve riska: opyt filosofskoy kontseptualizatsii [Social memory in a risk society: an experience of philosophical conceptualization]. *Filosofiya i obshchestvo*, 4, 58–69.
3. Badmayev, V. N., & Khutyzy, Z. A. (2009). Istoricheskaya pamyat’ i konstruirovaniye natsional’noy identichnosti [Historical memory and the construction of national identity]. *Novye tekhnologii*, 2, 75–79.
4. Bordyugov, G. A. (2011). “Voyny pamyati” na postsovetskom prostranstve [“Wars of memory” in the post-Soviet space]. М.: AIRO-XXI.
5. В’юккенен, Dzh. (2003). Smert’ Zapada [Death of the West]. *Sochineniya*. М.: Taurus Al’fa.
6. D’Amato, Dzh. (2013). *Razvod po-sovetski: iz sverkhderzhavy na zadvorki globalizatsii* [Soviet-style divorce: from a superpower to the back of globalization] (trans. from Italian by L. Ye. Saburova). Moscow: Rossiyskiy gos. gumanitarnyy un-t.

7. Gadzhiyev, K. S. (2013). *Sravnitel'nyy analiz natsional'noy identichnosti SShA i Rossii* [A comparative analysis of the national identity of the USA and Russia]. M.: Logos.
8. Gribovod, Ye. G., Kovba, D. M., & Moiseyenko, Ya. Yu. (2018). Natsional'naya politika pamyati v sovremennoy Rossii: osnovnyye tendentsii i instrumenty [National memory policy in modern Russia: main trends and tools]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 2(31), 123–132.
9. Fukuyama, F. (2017). *Ugasaniye gosudarstvennogo poryadka* [The fading of public order]. M.: AST.
10. Kalkhun, K. (2006) *Natsionalizm* [Nationalism]. M.: Izd. dom «Territoriya budushchego».
11. Karpov, G. A. (2018). Identichnost' migrantov kak faktor natsional'noy bezopasnosti (na primere afrikantsev Velikobritanii) [The identity of migrants as a factor of national security (for example, the Africans of Great Britain)]. *Voprosy bezopasnosti*, 5, 1–24. doi: 10.25136/2409-7543.2018.5.27452
12. Khabermas, Yu. (1995). *Demokratiya. Razum. Nrvstvinnost'* [Democracy. Mind. Morality]. M.: Nauka.
13. Khal'bvaks, M. (2007). *Sotsial'nyye ramki pamyati* [The social framework of memory] (trans. from French and introductory article by Sergey N. Zenkin). Moscow: Novoye izdatel'stvo.
14. Kolevats, V. A. (1984). *Sotsial'naya pamyat' i poznaniye* [Social memory and cognition]. M.: Mysl'.
15. Kwame, A. (2018). *The Lies that Bind. Rethinking Identity: Creed, Country, Color, Class, Culture*. Profile Books.
16. Makarov, A. I. (2009). *Fenomen individual'noy pamyati (obrazy – kontsepty – refleksiya)* [The phenomenon of individual memory (images – concepts – reflection)]. Volgograd: Izd-vo Volgogradskiy gos. un-t.
17. Malakhov, V. (2001). *Simvolicheskoye proizvodstvo etnichnosti i konflikt. Yazyk i etnicheskoy konflikt* [Symbolic production of ethnicity and conflict. Language and ethnic conflict]. M.: Gendal'f.
18. Mariten, Zh. (2000). *Chelovek i gosudarstvo* [Man and the state] (trans. from Eng. by T. Lifintsevoy). M.: Ideya-Press, Dom Intellektual'noy knigi.
19. Nora, P. (1999). *Mezhdru pamyat'yu i istoriyey. Frantsiya – pamyat'* [Between memory and history. France is a memory]. SPb.: Izd. Sankt-Peterburgskogo universiteta.
20. Rebane, Ya. K. (1982). Informatsiya i sotsial'naya pamyat': k probleme sotsial'noy determinatsii soznaniya [Information and social memory: to the problem of social determination of consciousness]. *Voprosy filosofii*, 8, 46–65.
21. Renan, E. (1902). Chto takoye natsiya? [What is a nation?]. In *Sobraniye sochineniy v 12-ti t.* (Vol. 6, pp. 87–101) (trans. from French edited by V. N. Mikhaylovsky). Kiyev.
22. Rusakova, O. F., & Kochneva, Ye. D. (2017). Otsenki Oktyabr'skoy revolyutsii v ofitsial'nom diskurse politiki pamyati [Evaluations of the October Revolution in the official discourse of the politics of memory]. *Scientific Journal «Discourse-P»*, 3–4(28–29), 17–30.
23. Savel'yeva, I. M., & Poletayev, A. V. (2006). Znaniye o proshlom: teoriya i istoriya [Knowledge of the Past: Theory and History]. T. 2: *Obrazy proshlogo*. SPb.

Nauka.

24. Smirnov, P. I. (2015). Nacional'nyj interes kak faktor soxraneniya (formirovaniya) natsional'noy identichnosti v periody preobrazovaniy [National interest as a factor in the preservation (formation) of national identity during periods of transformation]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. Tom 208. Sotsiologiya kul'tury: opyt i novyye paradigmy. Chast' 2. Razdel VIII. Politicheskaya i pravovaya kul'tura* (pp. 277–288). SPb.: Izd. Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury.

25. The Nigerian Muslim Community in England. Understanding Muslim Ethnic Communities (2009). *Change Institute, Communities and Local Government*. (pp. 8–12). London.

26. Tishkov, V.A. (2013). *Rossiyskiy narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [Russian people: history and meaning of national identity]. M.: Nauka.

27. Turen, A. (1997). Sposobny li my zhit' vmeste? Ravnyye i razlichnyye [Are we able to live together? Equal and different]. *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade*. M.: Nauka.

28. Zavershinskiy, K.F. (2015). Politicheskiy mif v strukture sovremennoy simvolicheskoy politiki [Political myth in the structure of modern symbolic politics]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2, 16–51.